

условно-временные, временные, причинные, уступительные отношения. Рассмотренные алтайские уступительные конструкции переводятся на якутский язык несколькими моделями уступительных предложений, что показывает синонимичность структурно-семантических моделей обсуждаемых конструкций в якутском языке.

Литература

Амма Аччыгыйа. Сэһэннэр, кэпсээннэр, ахтыллар. – Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1986. – 528 с.

Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 336 с.

Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис. Т. 2. – Новосибирск: Наука. 1995. – 336 с.

Дмитрий Таас. Сэһэннэр. – Дьокуускай, 1990. – 336 с.

Ефремов Н.Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. Структурно-семантическое описание. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 193 с.

Ефремов Н.Н. Аналитические сложноподчиненные

предложения в якутском языке (в сопоставлении с хакасским языком) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Ч.1. – 2013. – № 11 (29). – С. 66–69.

Исхакова Х.Ф., Насилов Д.М., Невская И.А. Уступительные конструкции в тюркских языках // Типология уступительных конструкций /отв. ред. В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 2004. – С. 425–595.

Кенесбаев С.К., Карашева Н.Б. Казахский язык // Языки народов СССР. – Т. 2. – М.: Наука, 1966. – С. 320–339.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.

Ознова А.А. Уступительные конструкции в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. – 2015. – №2. – С. 62–70.

Тажыбаева С.Ж. Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка (сопоставительный аспект). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 271 с.

Уйбаан Нуолур. Киэһээни алаас. – Дьокуускай, 1999. – 185 с.

Широбокова Н.Н. Предисловие // Е.И. Убрятова. Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 3–11.

N.N. Efremov

Functional and semantic category of conditionality in the Yakut language: causal and concessive relationships (in comparison with the Kazakh and the Altaic languages)

The article presents the main results of the study means of expressing causal and concessive relations in the Yakut language in comparison with the Kazakh and the Altaic languages.

Keywords: the Yakut language, the Turkic languages, functional-semantic category, conditionality.

УДК 811.512.157

Р.Н. Анисимов

Названия ‘диких животных’ в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека

В статье впервые предпринята попытка сравнительно-сопоставительного анализа фразеологических единиц якутского языка и родственных тюркских языков. Привлекается языковой материал из тюркских языков Южной Сибири (алтайский, хакасский, тувинский), относящихся к северо-восточной группе тюркских языков. В качестве сравнительного материала используются также фразеологизмы турецкого языка.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент, соматизм, качественно-оценочная характеристика лица, оценочные фразеологизмы.

© Р.Н. Анисимов, 2015

Изучение фразеологии в последние годы развивается по антропологической парадигме, постулаты которой были заложены еще В. Гумбольдтом [1984, с.383], полагавшим, что изучение языка подчинено «цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя». В тюркской фразеологии данное направление активно разрабатывается исследователями казанской фразеологической школы Г.А. Багаутдиновой [2007] и Л.Р. Сакаевой [2008]. В якутской фразеологии в антропоцентрическом аспекте выполнены сопоставительные исследования с неродственными немецким и русским языками [Прокопьева, 1996; Готовцева, 1994].

Сравнительное исследование фразеологических систем якутского языка и родственных тюркских языков еще не предпринималось, хотя в 60-х годах прошлого столетия первый якутский фразеолог Н.С. Григорьев [1960, с.170] отмечал, что фразеологию якутского языка надо изучать, не только используя средства данного языка, «но и привлекая сравнительный материал других языков, в особенности родственных» [1960, с. 170].

В свете сказанного и с учетом современных достижений лингвистической науки в предлагаемой статье предпринимается попытка сравнительно-сопоставительного анализа фразеологизмов якутского языка с компонентом-названием 'диких животных': *эһэ* 'медведь', *бөрө* 'волк', *саһыл* 'лиса', *куобах* 'заяц', *элик* 'косуля', *киис* 'соболь', *сиэгэн* 'росомаха', *бэдэр* 'рысь', *тиинг* 'белка' – представителей лесотаёжной фауны с аналогичным материалом языков Южной Сибири (тувинский, алтайский, хакасский) и турецкого языка. В составе фразеологизмов данный компонент определяет семантику «качественно-оценочной характеристики человека», репрезентирующую оценочное описание внутренних свойств, душевных качеств, темперамента, внешности, возраста, жизненного опыта, способностей, социального положения, поведения и прочих качеств человека.

Во фразеологизмах с семантикой «качественно-оценочная характеристика лица» обширно представлена исторически объективная действительность вокруг носителя языка, производится оценочное описание характерных, отличительных качеств, черт индивида, его особенностей и поступков. Работы, посвященные фразеосеман-

тическому полю «качественно-оценочная характеристика человека» в отечественном языкознании встречаются у нескольких исследователей [Гоголицына, 1979; Солодуб, 1985; Арсентьева, 1989; Чумакаев; 2006]. В тюркологической компаративистике и якутском языкознании это поле объектом теоретического осмысления ранее не являлось.

Цель данной статьи – установить лексические параллели компонентов-названий 'диких животных' якутского языка в родственных тюркских языках Южной Сибири: алтайском, хакасском, тувинском, выявить фразеосемантические разряды и фразеологические параллели, образующие фразеосемантическое поле «качественно-оценочная характеристика человека».

Выбор тюркских языков Южной Сибири (алтайский, хакасский, тувинский) в качестве объекта сравнения обусловлен тем, что эти языки, по мнению специалистов, являются близкими в генетическом отношении к якутскому языку и составляют вместе северо-восточную группу тюркских языков, «близость <...> в целом объясняется вхождением их в совместную ареальную общность» [Шёниг, 2005, с. 33].

Фразеологический материал извлечен из лексикографических источников якутского [Емельянов, 1965; Кулаковский, 1972; Фразеологический словарь..., 1974; Нелунов, 2002], алтайского [Чумакаев, 2005], хакасского [Боргоякова, 1996; ХРС, 2006], тувинского [Хертек, 1975], турецкого [Салахова, 1997; БТРС, 2006] языков.

ФЕ с компонентом 'медведь' и 'волк'

'Смелого, храброго' человека в якутском языке номинируют фразеологической единицей *эһэ-бөрө сүрэхтээх* – букв. с сердцем медведя и волка [Емельянов, 1965, с.81] // в хакасском *аба чүрөктиг* [Боргоякова, 1996, с.14] // в алтайском *айу жүректү* – букв. с медвежьим сердцем [Тюнтешева, 2006, с.46]. В якутском и хакасском языках хищного зверя – *медведя* называют *эһэ* 'дедушка' и *аба* 'отец, дед, старший родственник по мужской линии', что связано с тотемистическим культом медведя, характерным для сибирских народов [СИГТЯ, 1997, с. 159]. Алтайская лексема *айу* параллельна общетюркской *адуг – 'медведь', их Г.Г. Левин [2013, с.147] относит к словам, не имеющим прямых соответствий по фоноструктурному признаку в якутском языке. Между тем Б.И. Татаринцев [2000, с.60] полагает, что *айы(э)* ~ *адыг* может

быть связан гомогенно с *айгыр*, общетюркским названием ‘жеребца’, возводимым к глагольной основе с семантикой ‘возбуждаться’, ‘бесноваться’, ‘неистовствовать’, и вероятно, ‘быть сильным и могучим’, характеризующим *медведя* как ‘сильного, злого и большого зверя’. Общетюркский **айгыр* сопоставим с якутским *атыыр* в том же значении [Убрятова, 1965, с. 11–16].

Образ *медведя* в составе ФЕ в тюркских языках характеризует эмоциональное состояние человека, определяемое как свирепость, суровость: *adiylaji aysun* ‘быть свирепым, как медведь’ (Кутадгу Билиг 86₂₄) [ДТС, 1969, с.10], в якутском эта семантика часто встречается в фольклорных сравнениях: *Юрюнг Уолантайы / ‘хардан эһэли ханытаата’* ‘медведем матёрым заревел’ [Джырыбына Джырылыатта, 2011, с.302].

Волк в тюркской лингвокультуре предстает символом мужественности, силы и стойкости. Почти во всех тюркских языках для обозначения волка используется общетюркское слово **bö:ri*, кроме огузских языков, где присутствует другое название волка **ku:rt* [СИГТЯ, 1997, с.160].

Как видно из примера, приведенного выше, в якутском языке храбрый, мужественный человек отождествляется также и с сердцем волка: *бөрө сүрэхтээх* – букв. с сердцем волка [Емельянов, 1965, с.81]. В тюркской картине мира стойкий человек тоже имеет силу как у волка *böri teg küci* (Кутадгу Билиг 86₂₄) [ДТС, 1969, с.10].

Вместе с тем в якутской фразеологии образ *волка* может иметь вербализацию негативной оценки: о человеке болтливом, не умеющем хранить тайны, и о человеке, занимающемся кляузлами, жалобами, доносами, говорят *бөрө эмэхтэ* – букв. зад волка [Нелунов, 2002, с.139].

А образ *старого волка* в якутском и турецком языках означает ‘опытного, бывалого, видавшего виды человека’ *кырдыаҕас бөрө* [БТСЯЯ, 2008, с. 326] // *eski kurt* – букв. старый волк [Салахова, 1997, с. 43].

В тюркских языках *волк* метафоризируется в значение ‘сын’: *tilkütü toğdu azu börimü* ‘лиса родилась или волк?’ (Словарь Махмуда Кашгарского: 429) [ДТС, 1969: 118]. Этот метафорический перенос наблюдается и в якутском языке. Название волка употребляется по отношению к детям и подросткам мужского пола, что ярко иллюстрирует ФЕ *бөрөм бөтөһө, баҕам батана* – букв. мой волчий удалец, сабля, реализующая мои мечты [Егорова, 2010, с. 83].

ФЕ с компонентом ‘лиса’ и ‘заяц’

Во всех источниках лиса и заяц ассоциируются соответственно с хитрым и трусливым человеком. В тюркских языках животное лиса именуется **tilkü* [СИГТЯ, 1997, с.161], и только в якутском языке – *саһыл*, что сопоставимо с древнетюркским *йашыл* ‘зелёный’, с шорским *сакыл* ‘белка’ [БТСЯЯ, 2011, с.304]. По этимологии В.М. Наделяева якутский *саһыл* сопоставим с лексемой **d'auil* ‘желтый, зеленый’ [Щербак, 1961, с.135].

Обращает на себя внимание факт, что общетюркское слово **tilkü* в значении ‘лиса’ в якутском языке отсутствует. Близкая по фоноструктуре лексема обнаруживается в академическом словаре Пекарского *талкы* ‘медведь’, используемая в «Нюйском улусе Иркутской губернии» [Пек., стб. 2540]. Как вариант, тюркологи **tilkü* производят от *tiik* ‘пух’ (с метатезой **tiik-lii*), считая, однако, эту версию сомнительной [СИГТЯ, 1997, с.161].

Слово имеет довольно надежные алтайские параллели: в тунгусоманьчжурском *түлэ* ‘медведь’, *түлгэ* ‘волк’ [ССТМЯ, 1975, с.181, 210]. Можно предположить, что якутский *талкы* ‘медведь’, возможно, был заимствован из тунгусоманьчжурских языков вследствие взаимных контактов. Либо тут произошел внутренний семантический сдвиг **tilkü* ‘лиса’ → *талкы* ‘медведь’, как в случае *deve* ‘верблюды’ → *таба* ‘олень’. Как правило, у представителей огузских языков все гласные слова переходят в заднерядные, как *tan-ru, taṅara, taṅara* [СИГТЯ, 2006, с.327].

Лиса во всех тюркских языках, как и в других культурах мира, метафоризируется в хитрого человека: в тюркских языках Южной Сибири для этого используется понятие *глаза* – в алтайском *түлкү көс* [Чумакаев, 2005, с.98] // в тувинском *дилги карактыг* [Хертек, 1975, с.56] // в хакасском *түлгү харахтыг* – букв. с лисьими глазами [ХРС, 2006, с.691]. А в якутском – понятие *мозг* – *саһыл мэйиһи* – букв. лисий мозг [Нелунов, 2002, с.107].

Известно, что лиса отличается большой осторожностью и реже, чем другие звери, попадает в ловушку. Наблюдаемое носителем языка такое поведение лисы обуславливает характеристику: очень осторожный человек: *кырса-саһыл оҕото* – букв. детеныш лисицы или песка [Кулаковский, 1979, с.143]. *кырса* ‘песец’ ~ **karsak* ‘степная лисица’ [СИГТЯ, 1997, с.161].

Сиводушчатую лисицу в якутском языке называют *кэрэмэс саһыл*. Ср. эвен. *кэрэмриш* ‘сиводушка’ [БТСЯЯ, 2008, с.556]. Якутский *кэрэмэс* в составе ФЕ определяет как положительную, так и отрицательную оценку лица: о человеке, выделяющемся среди других своими положительными качествами говорят *киһи киэнэ кэрэмэнэ* – букв. лучший из сиводушек [Нелунов, 2002, с.223], про мошенника, ничего не признающего, нагло отрицающего свой неблагоприятный поступок, говорят *кэрэмэс саһыл мэлдьэбэ* – букв. отпирательство лисицы-сиводушки.

В якутской культуре «отношение к лисе как к ценному пушному зверю появилось, скорее всего, на более позднем этапе общественного развития, с приходом русских, когда поднялся спрос на теплый и красивый мех» [Павлова, 1996, с.168]. Стереотип ловкости и богатства закреплен в ФЕ *сатабыллаах саһыл саҕалаах* – букв. у ловкого, оборотистого человека воротник лисий [Кулаковский, 1979, с.163].

Для обозначения ‘зайца’ в якутском языке имеется несколько слов. Это литературно устойчивый *куобах*, который в составе ФЕ с соматизмом *сүрэх* фразеологизируется для характеристики трусливого, пугливого человека, *куобах сүрэх* – букв. заячье сердце. Диалектное слово *хотонох* распространено в говорах северных якутов (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Оленекский, Усть-Янский районы) [ДСЯЯ, 1976: 293]. Якутский *хотонох* возводится к общетюркскому *кодан*, *козан*, *койан* [Пек., стб.3532] и свидетельствует о древних якутско-кыпчакских контактах [Широбокова, 2005, с.70]. Так, *хозан* участвует во фразеологизации в хакасском языке: *хозан чүрек* – букв. заячье сердце [Боргоякова, 1996, с. 108].

Другое название зайца *табысхаан (табышкаан)* в основном встречается в вилуйской и заречной группах диалектов якутского языка [ДСЯЯ, 1976, с. 233], характеризуется как старинное название зайца [Широбокова, 2005, с. 71]. Обще-тюркский **тавшан* в составе ФЕ встречается в огузской группе тюркских языков [Широбокова, 2005, с. 70], например, в турецком *tavşan yürekli* – букв. с заячьим сердцем [Салахова, 1997, с. 78].

Тувинский *койгун* ‘заяц’, как замечает Татаринцев Б.И. [2004, с. 178], не имеет прямых соответствий в других тюркских языках и является специфичным для тувинского языка как и якутский *куобах*. Возможно, оба компонента образованы от глагольной основы: *койгун* от *хой-* ‘пу-

гаться, шарахаться’, *куобах* от *куой-* ‘пугаться’; Ср. хак. *хобай* ‘торчать’, тув. *ковай* ‘приподниматься’ (букв. ‘торчащий (зверь)’, т.е. заяц [БТСЯЯ, 2007, с. 483]. Тувинский *койгун* в составе ФЕ тоже обуславливает характеристику: трусливый, пугливый человек: *койгун чүректиг* – букв. с заячьим сердцем.

ФЕ с компонентами ‘косуля’, ‘соболь’, ‘росомаха’, ‘рысь’, ‘белка’

Пушной зверь ‘соболь’ в якутском языке обозначается общетюркской лексемой **киис* ~ *киш*. Соболь, как и лиса, у якутов особо почитаемый зверь. В быту шкура соболя высоко ценится, поэтому неудивительно, что соболь в составе ФЕ выступает для обозначения только положительного качества человека: *киһи киэнэ киһиһэ* – букв. лучший из людей, отважный, смелый [БТСЯЯ, 2007, с. 82].

В якутском языке встречается устойчивая фраза *эр бэрдэ, элик үтүөтэ* – молодец из молодцов, удалец из удалцов, в которой интерес вызывает семантика компонента *элик*. Его первое значение ‘скорый, быстрый, проворный’. Второе значение слова в словаре Э.К. Пекарского обозначено как ‘чубарый олень’ [Пек., стб.248]. В Диалектологическом словаре якутского языка зафиксировано значение ‘косуля’, встречающееся в Амгинском и Горном районах [ДСЯЯ, 1976, с.319], аналогичное *туртас*. Слово *элик* в значении животного встречается в локальных эпических текстах и в других диалектах. Так, эта лексема присутствует в тексте олонхо «Өлбөт Бэргэн», записанном в Жулейском наслеге Ботурусского улуса (ныне Таттинского) Р. Александровым в 1886 г. [Өлбөт Бэргэн, 2013, с.17].

Слово **элик* общетюркского происхождения. В «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлова мы находим *элик* ‘косуля’ [Радлов, 1893, с.815], в тувинском языке *элик* ‘косуля’ [ТРС, 2008, с.441], в хакасском *элик* ‘дикая коза’ [ХРС, 2006, с.1055]. Щербак А.М. [1961, с.120] под *элик* подводит значение трех разновидностей млекопитающих: ‘дикая степная коза’, ‘косуля’, ‘антилопа’. Соответственно, якутский *элик* это ‘чубарый олень’ и ‘косуля’, оба из семейства парнокопытных млекопитающих оленевых. Все животные, обозначаемые словом *элик* в тюркских языках, отличаются грациозностью, быстротой и проворностью. Можно предположить, что этот

их объективный признак явился мотивационным основанием ФЕ *эр бэрдэ, элик үтүөтэ* для оценки молодого человека как доброго молодца, удалого молодого.

В якутском языке для описания человека физически сильного, но малого ростом в составе ФЕ используется зооним ‘росомаха’ *сиэгэн* → *сиэгэн бөбө* – букв. силен, как росомаха. Ср. монг. *зээх(эн)*, алт. *дьескен*, тув. *чекпе* эвенк. *дееган* [БТСЯЯ, 2011, с.470]. Тюркская праформа наименования росомахи – **д’эгэн* (**д’эгбэн*) [Щербак, 1961, с.140].

Зоонимы *тиинг* ‘белка’ и *бэдэр* ‘рысь’ в якутском языке характеризуют умственные способности человека. Так, при характеристике человека памятью употребляют ФЕ *тиинг мэйиш* – букв. беличья память. Как поясняет А.Г. Нелунов [2002, с. 186], «белка обладает невероятной памятью: с августа начинает делать запасы грибов и шишек где попало, а затем в продолжение всей зимы эти запасы постепенно находит и питается». Так, народное наблюдение за поведением белки концептуализируется в образно-мотивационной основе данного ФЕ. Лексема *тиинг* ‘белка’ общетюркского происхождения от *tijin [Щербак, 1961, с.142].

Также мозг ‘*рыси*’ ассоциируется с умным, пронзительным человеком *бэдэр мэйиш* – букв. рысиный мозг. [СИГТЯ, 1997, с.159]. А слово *бэдэр* ‘рысь’ в якутском языке имеет параллель в письменно-монгольском *бэдэр ‘крапинки, пятна, полосы у животных’ и считается монголизмом [Попов, 2003, с. 157], [Пек., стб.419]. *Рысь* в тюркских языках обозначается лексемой **й.š-ek*; параллель в якутском языке *үүс*.

Рассмотренный материал якутского и других тюркских языков выявляет следующие лексические параллели слов-компонентов и их фразеосемантические разряды:

а) в якутском языке выявлен компонент, имеющий лексические параллели в тюркских, монгольских и тунгусоманьчурских языках – ‘рысь’ – як. *сиэгэн* // тюрк. **д’эгэн* // монг. *зээх(эн)* // эвенк. *дееган*. Однако в создании структурного состава ФЕ из них участвует лишь якутский компонент, который создает фразеосемантический разряд, характеризующий человека: ‘росомаха’ *сиэгэн* → ‘физически сильный’.

б) в якутском языке обнаружены компоненты, имеющие лексические параллели в тюркских языках, которые также входят в состав ФЕ. С эти-

ми компонентами устанавливаются фразеологические параллели со следующими фразеосемантическими разрядами, характеризующими человека: ‘медведь’ *эһэ* ~ *аба* ~ *айу* → ‘смелость, храбрость’ (як.; хак.; алт.); ‘свирепость, суровость’ (як.; алт.); ‘волк’ *бөри*~*бөрө*~*kurt* → ‘смелость, храбрость’ (тюрк.; як.); ‘сын, наследник’ (тюрк.; як.); ‘опытность, бывалость’ (як.; тур.); ‘лиса’ *саһыл*~*түлкү*~*дилги*~*түлгү*~*tilki* → ‘хитрость’ (як.; алт.; тув; хак.; тур.); ‘заяц’ *куобах* ~ *хозан* ~ *койгун* ~ *tavşan* → ‘трусливость, пугливость’ (як.; тув; хак.; тур.).

При этом выявлены фразеосемантические разряды, присущие лишь якутскому фразеобразованию: ‘медведь’ *эһэ* → ‘мелочность, придирчивость’; ‘волк’ *бөрө* → ‘болтливость, доносительство’; ‘лиса’ → ‘ловкость, оборотливость’; ‘соболь’ *киис* → ‘смелость, отважность’, ‘лучший из лучших’; ‘косуля’ *элик* → ‘лучший из лучших’; ‘белка’ *тиинг* → ‘памятливый’;

в) в якутском языке выявлен компонент, имеющий лексическую параллель в монгольских языках и считаемый монголизмом: ‘рысь’ *бэдэр*, ‘летучая мышь’, который организует фразеосемантический разряд, характеризующий человека с точки зрения его интеллектуальных способностей: ‘рысь’ *бэдэр* → ‘умный, пронзительный’;

г) в якутском языке установлены компоненты, имеющие лексические параллели в тунгусоманьчурских языках и считающиеся возможными заимствованиями: ‘сиводушка’ *кэрэмэс* и ‘кедровка’ *оҕоло*. Они в составе ФЕ определяют фразеосемантические разряды как с позитивной, так и негативной коннотацией: ‘сиводушка’ *кэрэмэс* → ‘лучший из лучших’, ‘мошенник’; ‘кедровка’ *оҕоло* → ‘феноменальная память’.

Обнаруженное количество идентичных фразеологизмов, совпадающих по значению и лексическому составу в якутском, турецком и тюркских языках Южной Сибири может свидетельствовать о том, что фразеологическая система тюркских языков имеет общие корни.

Выявленные в результате сравнительно-сопоставительного анализа национально-специфичные фразеологические единицы якутского языка, не имеющие параллелей в родственных тюркских языках, подтверждают мнение о том, что формирование этих фразеологизмов протекало в условиях отсутствия контакта с родственными языками.

Условные сокращения и обозначения

- алт. – алтайский
БТРС – Большой турецко-русский словарь
БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка
ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка
ДТС – Древнетюркский словарь
монг. – монгольский
п.-монг. – письменно-монгольский язык
Пек. – Словарь Э.К. Пекарского
СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков
ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусоманьчжурских языков
ТРС – Тувинско-русский словарь
ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка
тув. – тувинский
тур. – турецкий
хак. – хакасский
ХРС – Хакасско-русский словарь
эвенк. – эвенкийский
як. – якутский

Литература

- Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц: (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). – Казань: Изд-во Казань, 1989. – 126 с.
- Багаутдинова Г.А.* Человек во фразеологии. Антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / – Казань, 2007. – 35 с.
- Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – Т. 4: К. – 672 с.; 2008. – Т. 5: К. – 616 с.; 2009. – Т. 6: – Л, М, Н. – 519 с.; 2010. – Т. 7: Нь, О, Ө, П. – 519 с.; 2011. – Т. 8: С – сөллүбөр. – 572 с.
- БТРС – Большой турецко-русский словарь / сост. А.Н. Баскаков и др. – 3-е изд. – М.: Живой язык, 2006. – 960 с.
- Боргоякова Т.Г.* Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1996. – 144 с.
- Гоголицына Н.Л.* Фразеологические единицы со значением качественной характеристики лица в русском языке в сопоставлении с английским: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1979. – 198 с.
- Готовцева Л.М.* Фразеологические единицы с соматическим компонентом языка саха как объект сопоставительного изучения: автореф. дис.... канд. филол. наук. – Якутск, 1994. – 23 с.
- Григорьев Н.С.* О некоторых вопросах методики научного анализа фразеологических единиц якутского языка // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения. – Казань, 1960. – С. 165–177.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / пер. с нем., под ред. Г.В. Рамишвили. – М., 1984. – 400 с.
- Диалектологический словарь якутского языка / отв. ред. П.С. Афанасьев, В.М. Надеяев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
- Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Надеяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
- Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро / Эппиэттиир ред. Н.И. Попова. – Дьокуускай: ГЧуоААХНПИ, 2013. – 266 с. (Образцы народной литературы якутов собранные Э.К. Пекарским).
- Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр / П.П. Ядрихинской-Бэдьээлэ; олонхоһут тылыттан П.Н. Дмитриев-Туутук суруйуута. – Дьокуускай: Сайдам, 2011. – 448 с.
- Егорова Л.И.* Культ волка в традиции саха. – Якутск: Сфера, 2010. – 120 с.
- Емельянов Н.В.* Якутские пословицы и поговорки. – Якутск, 1962. – 96 с.
- Кулаковский А.Е.* Якутские пословицы и поговорки. – Якутск, 1925. – 122 с.
- Левин Г.Г.* Историческая связь якутского языка с древними тюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 439 с.
- Нелунов А.Г.* Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск, 2002. – Т. 1. – 287 с. – Т. 2. – 420 с.
- Павлова И.П.* Семантическая мотивация эвфемизмов животных в табуированной речи (на материале якутского языка) // Язык-миф-культура народов Сибири: сб. науч. тр. – Якутск: Изд-во Якутского государственного университета, 1996. – С. 161–169.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд., фотомеханич. – М., 1959.
- Попов Г.В.* Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч. 1: А – Дь).
- Прокопьева С.М.* Механизмы создания фразеологической образности (на материале германской и тюркской групп): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1996. – 37 с.
- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1888–1911 (М., 1963–1964).
- Сакаева Л.Р.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, татарского и таджикского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2008. – 34 с.
- Салахова Д.М.* Англо-русский и турецко-русский словарь фразеологических зоонимов. – Türk Dünyası Araştırmaları. Vakfı. – İstanbul, 1997. – 102 с.

Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительно-структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1985. – 32 с.

СИГТЯ, 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997. – 300 с.

СИГТЯ, 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006 с. – 908 с.

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2004. – 440 с. (Т. III: К, Л).

ТРС – Тувинско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Самиздат. – 647 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – Т.1: А – 680 с.; 2005. – Т.2: Б – 912 с.; 2006. – Т.3: Г, Д, Дь, И. – 844 с.

Тюнтешева Е.В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). – Новосибирск, 2006. – 224 с.

Убрятова Е.И. К этимологии слова АЙҔЫР ‘ЖЕ-РЕБЕЦ’ // Вопросы тюркологии. Сборник к 75-летию К.К. Юдахина. – Ташкент, 1965 – С. 11–16.

Фразеологический словарь якутского языка / сост. Н.С. Григорьев – Якутск: Кн. изд-во, 1974 – 127 с. (на якут. языке)

ХРС – Хакасско-русский словарь / под ред. О.В. Субрактовой – Новосибирск: Наука, 2006. – 1115 с.

Хертек Я.Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. – Кызыл: Тув. изд-во, 1975. – 165 с.

Чумакаев А.Э. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики и состояния лица в алтайском языке в сопоставлении с русским. – Новосибирск: СО РАН, 2006. – 167 с.

Чумакаев А.Э. Алтайско-русский фразеологический словарь. – Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2005. – 312 с.

Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. – С.82–172.

Шёниг К. О месте якутского языка среди тюркских языков // О.Н. Бётлингк и тюркское языкознание: сб. науч. ст. – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2005. – С. 31–34.

Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, – 2005. – 268 с.

R.N. Anisimov

Names of “wild animals” as a part of idioms of the Yakut language characterizing person

The article is made the first attempt of comparative analysis of idioms of the Yakut language and related Turkic languages. The author uses the materials of the Turkic languages of South Siberia (Altaic, Khakas, Tuvinian) relating to North-Eastern Turkic languages. Turkish idioms also are compared too.

Keywords: idiom, component, somatizm, qualitative and estimated characteristic of the person, estimated idioms.

УДК 82-1(571.1/5)"18"

Г.Т. Андреева

Поэтический образ Сибири как проявление творческой индивидуальности русских писателей XIX века

В статье рассмотрены отдельные фрагменты цикла очерков И.А. Гончарова «Фрегат», «Паллада», «Записок из мертвого дома» Ф.М. Достоевского, книги А.П. Чехова «Остров Сахалин». Русская литературная классика XIX в. создала обобщенный художественный образ Сибири и Якутии, формируя концепцию особенностей отражения новой действительности. Ставятся проблемы творческой индивидуальности классиков: своеобразие эволюции эстетических взглядов Гончарова, мирообъемлющего характера гуманизма Достоевского, особенностей идейной позиции А.П. Чехова.

Ключевые слова: художественный образ, творческая индивидуальность, эстетические взгляды.